

Несколько человек сидели на высоком помосте у реки Люлан, наблюдая за битвой, разворачивающейся в укрытом красотами Мэйлина. Клинки мечей и удары сабель раздавались в воздухе, наполненном боевым духом. «Чжуцзюинь» и «Цици» были непревзойдёнными оружиями своего времени, словно обладающими собственной волей. Их схватка была видна даже с далёкого помоста Люлан, где световые вспышки от столкновений отражались в сумеречном небе, подобно волнам на воде.

Чжуцзюинь, длиной в два чи и восемь цуней, шириной в три пальца, был прямым мечом с острым лезвием. В руках Тань Ядао, мастера из Северной Хань, клинок светился, как будто кто-то зажжёт свечу в тёмной комнате. Тань Ядао, ученик мастера мечей из Зала Заточки Мечей, был известен своей преданностью боевым искусствам и стремлением к совершенству. Его меч был отточен до такой степени, что стал продолжением его собственного сердца.

Тань Ядао двигался с невероятной лёгкостью и грацией, его удары были стремительными и точными. Он произнёс:

— Ты уже победил Яогуан в споре о мечах, показав, что меч, движимый чувствами, может превзойти меч, лишённый их. Теперь я хочу увидеть, сможет ли твой меч, полный чувств, победить мой меч разочарования!

Его чёрный плащ развевался, и клинок меча выпустил пять мощных энергетических волн.

Лэ Юй знал, что нужно уклониться, но его внутренняя энергия была на исходе. Его тело не успевало за мыслями, и когда их оружия столкнулись, мощная энергия Чжуцзюинь проникла в его тело через Цици. В одно мгновение его плечо было ранено, и кровь брызнула наружу, повредив кости и мышцы. С тех пор как он покинул остров, он ещё не получал таких серьёзных ран. Он свалился с вершины беседки, как кукла, потерявшая нити.

Эти двое сражались с невероятной яростью, и в этот момент на берегу реки появились два молодых человека. Один из них лежал под ивой, его коричневая одежда была мокрой от дождя, а лицо покраснело от опьянения. Другой сидел на ветке ивы, словно на троне, его белые одежды развевались на ветру. Это было уникальное умение, созданное когда-то «Святым Литератором» Хэ Тайси, известное как «Шаги по траве».

Ему было не больше двадцати трёх лет, его стройная фигура и красивое лицо выделялись на фоне ночи. Он держал в руках старинную цитру, и его пальцы, словно изящные белые перья, касались струн. Он сказал:

— Говорят, что он «разочарованный, отрезающий воду своим мечом». Меч разочарования Тань Ядао действительно впечатляет, но я хочу увидеть его главные приёмы — «Оставивший меня» и «Смутивший моё сердце». Я уже не могу ждать!

Его спутник, не выпуская из рук тыкву с вином, выпил большой глоток и пробормотал:

— Я не понимаю ваших споров, младшие гроссмейстеры. Что за смысл в этом вечном соперничестве?

Его лицо, покрытое следами вина и грязи, всё же оставалось привлекательным. Мужчина с цитрой улыбнулся и ответил:

— Люкэ, ты используешь вино как часть своего боевого искусства, но ты должен понимать, что даже ты, недавно ставший младшим гроссмейстером, должен обратить внимание на эту редкую схватку. Я ставлю на то, что Лин Юань... Не будем обманывать себя, хозяин острова Пэнлай может сделать не больше трёх ударов и проиграет мечу разочарования.

Другой мужчина открыл глаза, его пьяный взгляд был пронзительным.

— Ты хочешь поспорить? Тогда давай определим ставку. Проигравший должен будет слушаться победителя всю ночь. Согласен?

Мужчина с цитрой усмехнулся:

— Почему бы и нет? Я не боюсь тебя. Значит, ты ставишь на хозяина острова Пэнлай? Тогда мне стоит помочь мечу разочарования ради себя самого.

Его пальцы быстро заиграли на струнах.

Звуки цитры смешались с тихим дождём, создавая атмосферу, которая окутала часть сада Гэнъе.

Сначала это были лишь капли дождя, падающие с крыш, но через несколько нот мелодия превратилась в бурю, которая нарастала с каждой секундой. Свет фонарей смешивался с дождём, а ветви ивы танцевали под звуки цитры. Мужчина в белом, державший на коленях старинную чёрную цитру с надписью «Люйцитай», запел:

— Камыши и тростник, не тростник, а полынь. О, мои родители, как тяжело вы трудились ради меня!

Лэ Юй, находившийся вдали, замедлился, едва избежав удара Чжуцзюинь. «Пьяный безумец» Ван Люкэ нахмурился:

— Зачем ты трогаешь его больные места?

Мужчина с цитрой, закрыв глаза, продолжал играть, лишь улыбаясь.

«Пьяный безумец» и «Цитрный безумец» всегда были неразлучны. Пэй Шигу, «Цитрный безумец», был выходцем из знатной семьи Западного Юэ. С детства он страдал от странной болезни, которая могла убить его после третьего приступа. Странствующий монах сказал, что единственный способ спасти его — позволить ему жить свободно, без ограничений и правил. Когда пришло время нанять учителя, ни один учёный не смог завоевать его уважение. В это время Нин Янсу была вынуждена войти в дворец У, и «Святой Литератор» Хэ Тайси, восхищавшийся ею, ушёл в горы, чтобы играть на цитре и успокоить свою боль. Звуки его цитры привлекли Пэй Шигу, и он стал учеником Хэ Тайси на десять лет, получив от него все

знания о «Мелодии Небесного Демона». Впоследствии он превзошёл своего учителя и получил старинную цитру «Люйцитай», достигнув уровня младшего гроссмейстера в молодом возрасте. Когда Западное Юэ покорило Северной Хань, в мире боевых искусств его и Яогуан стали называть «Меч и Цитра». «Меч» символизировал смелость и решительность Яогуан, а «Цитра» — способность Пэй Шигу понимать человеческие сердца и сбивать противников с толку своими мелодиями.

Хозяин острова Пэнлай стал известен в молодости благодаря своему невероятному таланту. Его меч не знал поражений, и он никогда не страдал от любовных мук. Он владел огромным богатством, и казалось, что в его жизни не было ни одного изъяна. Единственной его слабостью была его семья — он не знал своего отца, а мать бросила его, оставив сиротой.

Пэй Шигу использовал песню «Камыш и тростник», чтобы вызвать в Лэ Юе чувство неуверенности. Когда он дошёл до самых эмоциональных строк, это было похоже на то, как будто кто-то стоит один в ночи, вопрошая небо, почему у других есть родители, а у него нет. Когда он спел строки «Без отца нет опоры, без матери нет защиты», даже Ван Люкэ тихо вздохнул. Если бы кто-то без внутренней силы, потерявший родителей, услышал это, он бы, наверное, упал на землю, рыдая.

Лэ Юй не ожидал, что Пэй Шигу вмешается в его схватку с мечом разочарования. Звуки цитры проникли в его разум, вызывая мучительную головную боль. Он был ранен и теперь, с нарушенной концентрацией, его внутренняя энергия ослабла. Его одежда была порвана в нескольких местах, и он едва держался, используя мастерство Цици и свои собственные навыки.

На берегу реки появилась группа людей. Четыре кукольные служанки шли впереди с фонарями. Мо Ецянь, услышав звуки цитры, понял, что два младших гроссмейстера объединились, и его заклятый враг, скорее всего, погибнет. Они сели на сцене у Мэйлина, наблюдая за двумя фигурами. Лэ Юй уже выглядел измотанным, и его лицо выражало разные эмоции.

Пэй Шигу остановил игру и улыбнулся:

— Исход уже предreshён, Люкэ. Скажи, как ты собираешься ему помочь?

Ван Люкэ лениво перевернулся и выпил ещё глоток вина:

— Между младшими гроссмейстерами огромная разница. Я только начал, как я могу помочь? Я ставлю на то, что хозяин острова Пэнлай станет ещё сильнее. Остальное меня не касается.

Пэй Шигу покачал головой:

— Ты действительно жестокий человек.

Он посмотрел на битву в Мэйлине и добавил:

— Но не самый жестокий. Мир безжалостен и беспристрастен, и это самое страшное. Мы прошли через многое, чтобы стать младшими гроссмейстерами, и для обычных людей это уже великая удача. Но кто знает, что из всех младших гроссмейстеров лишь один из десяти станет гроссмейстером. Через двадцать лет кто из нас останется в живых, а кто превратится в прах?

Его слова были полны боли, но в его голосе не было печали, лишь гордость. Лишь немногие из младших гроссмейстеров смогут стать гроссмейстерами, а те, кто не смогут, редко доживают до сорока лет. Эти талантливые люди отрекаются от всего ради боевых искусств, готовые умереть ради своего пути.

Пэй Шигу говорил открыто, и Тань Ядао с Лэ Юем слышали каждое его слово. Их мечи столкнулись, и листья на деревьях Мэйлина опали за одну ночь. Они разошлись, и Тань Ядао сказал:

— Я готов умереть ради своего пути.

Лэ Юй, с тонкой струйкой крови на руке, вытер кровь с Цици и сказал, его голос слабый, но полный решимости:

— Ты действительно из той же школы, что и Яогуан!

Он подумал: «Сколько талантов уже стали прахом». Если бы Яогуан была здесь, она бы сказала: «Даже если против меня тысячи, я пойду вперёд!»

<http://bllate.org/book/15272/1348080>